

Витторิโอ Подолини

ЛИМБЫ

СТИХИ

Витторио Подolini Лимбы. Стихи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=45573092

ISBN 9785449620521

Аннотация

В этом сборнике автор пытается возродить традиции символизма Серебряного века русской поэзии, следуя по пути Брюсова, Вч. Иванова, Эллиса. Стихи стилизованы под Бодлеровский экспрессионизм и вычурность фразеологизмов, с налётом религиозной абстракции. Они пропитаны мистикой и мрачным виденьем картины мира. Мысль поэта стремится заглянуть в глубины беспредельности мироздания и открыть что-то новое и неизведанное, полагаясь на интуицию и мирозерцание.

Содержание

Лимбы	6
Моя планида-исповедь	6
Святая	9
Пьяница	11
Логаэды	13
Видения	16
Скажи-ка Жизнь	18
Комната	20
Кумир	22
Песнь времён	24
Танец	26
Пруд	28
Стопы	30
Строки	32
Сад	33
Желание	34
Расплаты жду, когда оковы...	35
Надежда	37
Грудастая Терри	38
Тайна Жизни	39
Борьба	41
Солдат	42
Путь	43

Совершенство небес	44
Летний вечер	46
Дом	47
Октябрь	49
Разговор с вороном	50
Дух времени	53
Элизиум	55
Стон	57
Спаситель	58
«Ты как буря, как стихия...»	59
Мечта	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Лимбы Стихи

Витторио Подolini

© Витторио Подolini, 2019

ISBN 978-5-4496-2052-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Лимбы

посвящаю Подольской Татьяне Алексеевне

Моя планида-исповедь

Я уже родился изгоем,
Увидев мир ужасным и шумным,
Родители показались мне монстрами,
Со смешными и нелепыми конечностями,
Они что-то верещали тёмными провалами,
В жёлтых мигающих шарах.
Может были рады, может огорчились,
Моему появлению в этот грешный мир...
Отец и мать жили в одном селе,
И знали друг друга с детства,
Их было двое из многоликой массы человеческих
существ.

Осознав мир, я понял свою духовную чужеродность,
В этой однообразной толпе,
В которой я зрел.

Учился на отлично, переходя из младшего класса,
в старший,

И так, поднимаясь до 8-го класса, я устал учиться,
Почувствовав себя беззащитным в этом хаосе жизни,
Возникла дилемма: быть тимпаном или слиться
с однородной массой,
Юным мозгом незрело думал, что в толпе легче жить,
И строить свою судьбу.

Но душа моя кровоточила и скорбела,
Я рос как сорняк, питая себя пороками среды,
Наперекор Психее, метался по жизни, ища духовный рай,
Меня людей и места,
Был судим, превратясь из робкого и ласкового юнца,
В грубое и жестокое животное.

Брёл по судьбе безрассудно, тратя года впустую,
Но ощущал по наитию в себе некий духовный потенциал,
Чего-то великого, и ждал, ждал, ждал своего часа,
И этот час настал!
Это произошло случайно. Оказавшись в состоянии
ожидания как пассажир,
Я прочёл несколько просодий полузабытого немецкого
поэта Гёльдерлина,
До этого жадно алкал литературную прозу, презирая
версификацию,
Считая этот жанр детским,
Но, прочтя Гёльдера, моя душа расцвела,
Засияла радужными лучами, я будто родился заново,
Увидев мирозданье новыми веждами.
А небесный разум открыл врата божественной энергии,

Из которой порой льются слоги, фразы, образы, рифмы.

Официально я не имею документа знаний, но напитан
разной информацией.

Источник для физического существования плоти,

Грязная механическая работа для
низкоинтеллектуального слоя человеческих существ.

Мне 60 лет,

Невольник грязного труда, по призванию – интеллектуал,

Родившийся не в своей среде.

Искренне ваш Витторио Подolini.

Святая

Маме

Пылало солнце, а под ним,
раба светилась кротким ликом,
в благоволении великом,
и мир был ею озарим.

Весь мир в руках её блистал,
рождалась тайна откровенья,
богов торжественное пенье,
лилось прозрачней чем кристалл.

И воцарилось торжество,
любви и блага – совершенство,
её душа пила блаженство,
с богами празднуя родство.

Рабу манила соль земли,
она стелилась нежной тенью,
и уподобилось виденью,
в зеркале меркнувшей дали.

Ни ветер, ни облики Эреба,

не в силах в ней свечу задуть,
её божественную суть,
среди горних нив в объятых Феба.

И пусть богов небесных гимны,
Раба услышит в тишине,
в могилке маленькой, на дне,
где даже корешки наивны.

Пьяница

Я злой напиток искусил,
во мне забилося счастье,
та жизнь, что горечью месил,
попрала дни ненастья.

Все токи вспенились во мне,
набухли плоти члены,
мой мозг вскипел как на огне,
и кровью вздулись вены.

А страх былой как трус затих,
я власть обрёл над миром,
безумен стал, и плотью лих,
среди богов, сатиром.

Пусть пьяным слыть я не хотел,
но ядом кровь насытив,
беду несу среди прочих тел,
и горсть весёлой прыти.

Мне мнилось будто я в раю,
там бога ублажаю,
но дух кричал во мне "Горю!"

"И тело покидаю!"

Я злой напиток искусил,
но не было уж счастья,
мой дух меня, во мне убил,
и душу, и причастье.

Логаэды

Я на дне,я пустой,
И во мне клики ран,
Я не царь,я простой,
Средь колосьев,бурьян.

На мне нету имён,
Только сталью хребет,
У победных знамён,
Не нарушу обет.

Я покорность свершу,
у подножья веков,
Где кумира, спрошу,
Где на небе альков

И терзает меня,
Ненасытная скорбь,
Я грядущего дня,
Изнурённая горбь.

Свяжу в полях все колоски,
Что б чресла солнечные скрыть,
И в оклахомские пески,

Дожди кровавые пролить.

Из стад ,вращённых на убой,
Что напитали плотью мир,
Где злобный ангел принял бой,
С звездой вселенскою,Маир.

Пусть колышется свет,
На узорной стене,
Как блистанье монет,
Он почудился мне.

И неги сбывшихся утех,
Уж не умножат ход веков,
Я помнить буду близко тех,
Кто мне не близил тихий ров.

И стонет старая свирель,
Над издыханной тенью тьмы,
Где вёсн разбрызганных,апрель,
Где чёлн серебрянный,и мы.

Логаэды пишу,
Не судите меня,
Я в стихах воскрешу,
Душу краткого дня.

Уношу, уношу!
Я частицу огня,
В мир иной поспешу,
Проводите меня!

Видения

Грехи кровавятся в судьбе,
В них души никнут и таятся,
И сонмы слизней зла роятся,
В сокрытой вехах алчбе.

Что жаждет мрака, и раздора,
В толпе убогой и слепой,
Где смерти властвует разбой,
И клики дьявольского хора.

Вкруг пир кровавых упырей,
В безумной оргии ярится,
И танцем жутким, дьяволица,
Зыбит у адовых дверей.

Как корчи тел полуистлевших,
В гробах, средь капищных могил,
Трясётся пласт, земельный ил,
Под грохот молний отлетевших.

На пепелище дней усопших,
Летают сны грядущих лет,
Где мгле мерещится рассвет,

И ветры гор, во мхе утопших.

Дымит земля от влаги алой,
И василиск от жатвы рдян,
Он светом ада оссиян,
И дремлет, от алчбы усталый.

Вот у клоаки смрад струится,
В распухших трупах, аль стигмат,
Костей гниющих маскарад,
Сплетеньем аспидов багрится.

Вот увлечён Аид стенаньем,
Упадшим духом покорён,
Среди безумия времён,
Паря над грешным мирозданьем.

И знаки дней, веков идущих,
Блестят на веках ликов сущих.

«аль»-неологизм,сокращённое от алый(красный)

Скажи-ка Жизнь

Скажи- ка Жизнь!
Доколь мне ранить душу,
Топтать мозолью сушу,
Зачем ты Жизнь!

Зачем ты Жизнь!
Внутри не стихли выюги,
Душевных струн потуги,
К чему ты Жизнь!

К чему ты Жизнь!
Когда наполовину,
Я выпил зла годину,
К чему ты Жизнь!

Ты знаешь Жизнь!
Хочу тебя согнуть,
Чтоб облегчить свой путь,
Крепка ль ты Жизнь?

Крепка ль ты Жизнь?
Пусть тёрн мне выю давит,
Психея плоть оставит,

Ты в Смерти- Жизнь!

Хочу тебя понять!

Хочу в тебе сиять!

И мир в скорби обнять!

И жить, и жить опять...

Комната

В полумраке тонкий свет,
То нахмурен, то чуть ясен,
Он прозрачен как рассвет,
В бликах комнаты, прекрасен.

Вот колонной замер шкаф,
Где таятся книжек грёзы,
И в потёмках как арап,
Чёрен мой диван, и розы.

Что темнеют над столом,
Где спит ваза с виноградом,
На стене, угла излом,
Вьётся сумеречным гадом.

Над диваном сонм картин,
Смотрит дивною природой,
И окно, парчой гардин,
Насмехается над модой.

Моя комната, мой мир,
Где под сводом, капители,
Стиль барокко, и ампир,

Затаились льном постели.

На полу дрожит мираж,
Из лазоревых плетений,
Как фиалковый пейзаж,
Разлился политрой теней.

В моей комнате, и я,
Весь разбрызран и украден,
Как основа бытия,
Я глубок и многократен.

Моя комната, и я...

Кумир

Цветок любви и речь,
Уст вечная тоска,
Слезой устала течь
В чертоги из песка.

Дождь радугой застыв,
Наполнил сок равнин,
Истратив свой мотив,
Над пиками вершин.

Лишь ивы у реки,
Ветвями льют росу,
Звени мой стих, влеки!
Звучи листвой в лесу.

Ждут злые города,
Живительный мотив,
Но грянула беда,
Огонь с небес излив.

Уж мёртв певец,и мир,
Безмолвием застыл,
То в небесах,кумир,

Безумие таил.

Песнь времён

Думай мозг,
если есть ум,
и не бойся дум,
больше чем розг.

Знай, дурак слаб,
обмани его,
смехом-всего,
в тоне-силлаб.

Пулей полети,
сам себе-приз,
сам пади вниз,
душу освяти.

Дай тому благ,
кто живёт в зле,
ходит возле,
он не станет враг.

И горел костёр,
И копил золу,
И смолил смолу,
нож огня остёр.

Свет зари прими,
не груби добру,
к вору по добру,
злобу не томи...

Век любви прошёл,
берега вдали,
только отмели,
и душа, как шёлк...

Танец

Плачет музыка, и в танце,
Завихрился хоровод,
Звонких мыслей, новобранцы,
Окружили небосвод.

Рядом мниться, он безкрайний,
Пламенеет как алмаз,
То он, тёмный, то сусальный,
То кровавый отблеск глаз.

Как предтеча вакханалий,
Засверкало зла вино,
Горней силою ордалий,
Заструилось оно.

И прекрасен мрачный танец,
Незабытый мглой времён,
Жжёт как огонь-протуберанец,
Неизведанных имён.

Пусть клубится зыбь столетий,
Над вселенскою игрой,
Но знаменья, клади эти,
Бдит извечно млечный рой.

Плачет музыка, и в танце,
Завихрился хоровод,
Звонких мыслей, новобранцы,
Окружили небосвод.

Пруд

Среди лугов таится пруд,
Он обрамлён зелёной кущей,
Вода темна пруда, и гуща,
Льёт бликов чистых изумруд.
В его глубинах рыбы, ход,
Ведут среди илистых терний,
И утром, и зарёй вечерней,
Клубя теснины тёплых вод.
Здесь над волною стрекоза,
Звенит прозрачными крылами,
А под густыми камышами,
Сом дремлет, засмежив глаза.
Здесь цапля тонкою ногой,
Шёлк снежных лилий бередит,
Квакушки делают кульбит,
Спасаясь пёстрою толпой.

Тинится тихо и смиренно,
Пруд посреди родных долин,
В зонтах цикуты, средь осин,
Кольша воды постепенно.

Он, словно тайная обитель,
Хранится в зелени лугов,
Как кров таинственных богов,

Как рая кущ привычный житель.

Стопы

Бил
дождь,
лил
в прах,
вил
страх
злой
вождь.

Был
луг,
мил
цвет,
плыл
свет,
как
дух.

Стыл
пруд,
бил
карп,
Нил
Шарп
знал
труд.
Спел

плод
прел
в прах,
пел
враг,
мой
рот!
(брахиколон)

Строки

Платон тоскует в Академе,
Сократ цикуты принял яд,
Дитя родилось в Вифлееме
И ищет Гефсиманский сад.
В пещере овцы Полифема,
Зов Одиссея ждут в ночи,
На Деве Галльской диадема,
Точит кровавые лучи.
В пустынях орды Чингиз-хана,
Собирают огненную дань,
Пылят копыта средь бархана,
И мертвые, куда ни глянь.
Дерутся храбрые русины,
Германских вый прогнулась сталь,
А у реки с сухой осины,
Струится крови жирной аль.
Из слов рождается поэма,
Из вереницы ярких строк,
Была бы мысль, была бы тема
И жизни жертвенный поток.

Сад

Есть сад в невиданной стране,
Где всё покрыто мглою,
Там некто в мрачной тишине,
Стучит своей пятою.
Он в том саду растит плоды,
Как купола у храмов,
И множит тесные гряды,
Убийц, воров и хамов.
Зловонит дух из той страны,
Где сад живёт с плодами,
В нём зреет семя Сатаны,
Печальными годами.
Там плод сочится ядом зла,
Дурманы вея страха,
Так море кормит взмах весла,
Так кровью бредит плаха.
И смертью дышит мерзкий сад,
В долине неутешной,
Он множит смертоносный яд,
Питая род нездешный.

Извечен бег веков над ним,
И фрукт его неисчислим.

Желание

Незримой иду стезёй,
Любовь собирая в душу,
Так ищет нить пути слепой,
Так лодка ищет сушу.
А впереди грядой туман,
Густеет и дымится,
Он как клинок, как ятаган,
Спешит в меня вонзиться.
Вкруг тени призраков ночных,
Грозят, зыбя руками,
Из селищ древних и пустых,
Что тлеют под песками.
Повсюду прах, и смерти дух,
Бреду! И словно птица,
Мечтою грежу средь разрух
В лазурность устремиться.
Пусть скорбь мою иссушит душу,
Закон любви я не нарушу.

Расплаты жду, когда оковы...

Расплаты жду, когда оковы,
Мучений тяжких ниспадут,
И с неба чёрные покровы,
Лучи победные сорвут.

Я помнить буду то, что было,
Сокрыто в памяти моей,
В любви расплавлю, что застыло,
Схоронено что было в ней.

И разумом постигнув веру,
О светлых днях и о весне,
Я цепи разорву галеры
Скорбей моих в последнем дне.

Бесстрашен я в своём стремлени,
Коснуться облачных высот,
В безумном вихре вдохновленья,
Верша пленительный полёт.

И в мёртвых буднях осуждённый,
Пусть не предаю своих идей,
В борьбе паду, судьбой сражённый,
Оставив след в сердцах людей.

В их память поселясь навечно,
Я в лица мрачных городов,
Гранит стихов впишу предтечно,
Исторгнув луч во тьму веков.

Надежда

Я жил среди мертвых много лет,
Пытаясь отыскать живых,
Бродил в тени, был как скелет,
Лежащий среди могил немых.
Жизнь словно кладбищная тишь,
Текла, и в смене поколений,
Я грыз забвенью, словно мышь,
Плетя его в венок из терний.
Мечта была, надеждой жил,
Что воссияет нимб злотистый,
Я жизнь земную завершил,
Любовью стоя мир пречистый.
И пусть в мечтах придумав рай,
Я верил, что найду сей край.
Но ветер разметал уж прах,
Мой на заснеженных горах.

Грудастая Терри

Посвящаю Терри Джейн.

Она природы совершенство,
В ней праздник юной наготы,
А плоть её несёт блаженство,
И факел женской красоты,
Ей формы выковал Архангел,
В Элизии, в стране Эдем,
И среди нас она как ангел,
Кропит нектар желанья всем.
А грудь её как два арбуза,
Как два сочащихся плода,
Висящих над парчою пуза,
И своего боюсь стыда.
В ней бёдра, крепкие колонны,
Изящных линий волшебство,
Пышны, как статуи Матроны,
Нежны, как пуха естество.
В ней лоно, райская обитель,
Пещерка сладостных ключей,
Манит тебя, порочный зритель!
Священной влагою ночей.

Тайна Жизни

Не мог я в мире всё понять,
И жизни ток не ощутил,
Лишь много лет я посвятил,
Пытаясь главное узнать...

Движенье времени, чей зов,
Как гул земли, из недр влечёт,
Как ветер дланью древо гнёт,
Как свету тьма готовит лов.

Не внял природы смены лиц,
На дождь, на вешний снегопад,
На летний зной, на листопад...
Не внял полёту в небе птиц.

Края не видел всей вселенной,
Конца не знал я, колеса,
Как из семян растут леса,
Как мысль становится нетленной.

Величье бездны мироздания,
Узнать не смогут никогда,
Желанья мыслей, и года...
Оставив лишь одни преданья.

Так ход слепого бытия,
В земную жизнь вдыхает смысл,
Вновь в мозге порождая Мысль...
Но схвачен чревом смерти я.

Борьба

Я беден силою души,
Искусом демоны пытаются,
Объятъем душным овивают,
Средь стоков сумрачной глуши.
И не осилив войско зла,
Я буду ждать, собирая соки,
Чтобы, когда настанут сроки,
Сгубить постылого Козла.
Пью желчи снова я, и снова,
Живу в осаде, меря грех,
Вдали от низменных утех,
Под сенью нищенского крова.
Пусть не даны мне груды злата,
Я упиваюсь торжеством,
Что нитью связан с божеством,
И щедростью душа богата.

Солдат

Солдат идёт среди руин,
И ликом чёрным мироточит,
Окончен бой, и он один,
Плоды собирает жатвы ночи.
Свой остов выковав в бою,
Несёт он миру облегченье,
Окрасив кровью плоть свою,
В артерьях изменив течение.
Чудесный ангел весть несёт,
Ликуя в раскалённой выси,
Что Смерть навек во тьму уйдёт,

Укрывшись тихо в норы крысы.
В обломках, в пепле прорастут,
Цветы живительного сада,
И град восстанет новый тут,
Плодя и множа божье стадо.
Пришла победа, стихнул бой,
Меж тьмою и оплотом света,
Святые обрели покой!
Под сенью Нового завета.

Путь

Незримой иду стезёй,
Ранимый клыками терний,
Иду, как идёт герой,
Как воли небесной гений.
Нелёгкий начертан путь,
Шагами кровопролитий,
Непросто рок обмануть,
В потоках мирских событий.
Змеится куда тропа?!
Что в этих туманных далях?!
И выдюжит ли стопа?!
И будет ли грудь в медалях?!
Но не страшит финал,
У края дымящей бездны,
Я в бедах горнее стал,
И панцирь сковал железный.
И если достигнув края,
Я душу спасу в пути,
Врата распахну я рая,
Там Бога узрю в плоти.

Совершенство небес

Багровый восход,
Встаёт над скалой,
И кто-то умрёт,
И станет золой.
Стоная, юдоль,
Зовёт со глубин,
И сладкую боль
Пью я один.
Мятежной рукой,
Коснусь облаков,
Где мир и покой,
И нету оков.
Где в божьей купели,
Возлягу, как Крёз,
В небесной постели,
Вдохну запах роз.
Парят хороводы,
Серебряных лун,
И дарят свободу,
Небесных лагун.
Архангела гимны
Звучат в вышине,
Мелодии дивны!
И слышатся мне.
Здесь духом блаженства,

Упьюся и я,
Пусть зрит совершенство,
Психея моя.

Летний вечер

Стеариновый свет
Полумрак наполняет,
В паутине тенет,
Очертания тают.
И туманны оттенки,
Потухающих бликов,
Над кроватью у стенки
Тени сказочных ликов.
Светолуч уплывает,
Полусонно качаясь,
Жар дневной остывает,
В холодок превращаясь.

Дом

У края сумрачного леса,
Таится обветшалый дом,
И лес таинственным навесом,
Клонится над его окном.
А знают солнце или вьюга,
Кто создал у оврага кров?!
Монах был это, иль бандюга,
Иль братство подлое воров?!
Лишь лес – хранитель этой тайны,
Он древний скрытник всех энигм,
В корнях его есть корень райный,
Целитель душ от скорбных стигм.
Порой бывал здесь зверь пугливый,
Свирепых хищников боясь,
Пережидал он рок гневливый,
Природы жертвенную связь...

И если странник утомлённый,
Узрит жилище среди долин,
Заселит дом уединённый,
Под сенью дуба и осин...

Пусть будет хижина, как влага,
Вдали песчаной и пустой,
Стоять, скривившись у оврага,

И ждать изгоев на постой.

Октябрь

Холодеющей рукой, Осень в прах бросает листья,
Над студёною рекой, их малюя жёлтой кистью,
Дождь нахмуренным лицом, слёзы льёт с чертогов неба,
И туманом, как свинцом, давит колесницы Феба.

Убегает прочь тепло, дней увядших, канув в лето,
И темно небес чело, стужи древняя примета,
Вот в багрянце свод дубрав, и таятся ягод гряды...
Догорающий октябрь, пал, в грибные листопады.

Разговор с вороном

Посвящение «Ворону» Эдгара Аллана По.

(поэма)

Это было знойным летом,
Как-то в ночь, раскрыв окно,
Я услышал: «Мне с поэтом
Жажда встретиться давно!»
А потом, шумя крылами,
Ворон в комнату влетел
И, стремясь к картине в раме,
На неё нахохлясь сел,
Осмотрев, слетел на кресло,
Чёрным клювом застучал
И изрёк: «От мэтра Тесла,
К вам на молнии примчал!
И хочу спросить поэта,
Почему ты, как и я,
В муке ночи ждёшь рассвета,
Тайну светлую храня,
Почему не ищешь стаю,
Не летаешь вместе с ней,
И к божественному раю,
Не спешишь от всех скорбей».
И от этого вторженья,
Я, признаюсь, онемел,

Но уже через мгновенье,
Успокоившись, посмел,
Я ответить птице прямо:
«Вижу я, ты ворон бел,
И наверное упрямо,
Нашей встречи захотел.
А быть может, одинокий,
Ищешь света для души,
Против ты, чтоб рок жестокий
Крылья гнул, выю душил».
«Ты поэт мне в мысли глянул, —
Ворон каркнув, отвечал. —
За советом я нагрянул!» —
Вновь картаво прокричал.
«Ты скажи, как стать мне чёрным?
Слиться в небе с вороньём,
Или слыть птенцом покорным,
Иль в мечтах быть соловьём!»
«Что сказать тебе, ворона,
Я ответил мудрено,
Белым, как зимою крона,
Видно, быть тебе дано.
Мы с тобою, ворон, схожи,
И в моей я стае бел,
Средь людей, вдали прохожий,
К ним давно я охладел.
И живу, от розы Мира,
Скорбью в сердце затаясь,
Лишь с небес трезвонит лира,

Чрез божественную связь.
И судьба мне быть изгоем,
Стать невидимым толпой,
После смерти слыть героем,
Вот удел мой роковой».
Так ответил мудрой птице,
Я в таинственной ночи,
Но тревожил блеск зарницы,
И неясный треск свечи...
Тут безмолвно клювом птица,
Постучала мне по лбу,
Что-б от сна смог пробудиться,
Сон поведав наяву.

Дух времени

Средь улиц, дымных городов,
В глазницах сводов мрачных башен,
Бездомный дух искал свой кров,
Изгнанник рощ и чёрных пашен.
Ропща, бродил он среди стен,
Как скорби тень, в объятьях ночи,
Как мотылёк, попавший в плен,
К лучу фонарному, обочин.
Был дух мятежный, одинок,
Среди смердящих духов Мира,
Искал в земле Добра исток,
Как вдохновенья ищет Лира.
Не находя, летел в лазурь,
Где, легкокрылый и свободный,
Парил среди безумья бурь,
Как ангел бога первородный.
Там красота его влекла,
Из мглы порочной и бездушной,
Амброзьею огненной текла,
Искрилась россыпью жемчужной.
И дух времён, восстанья дух,
Не покорился тьме столетий,
Среди забвенья и разрух,
Он сохранил стремленья эти.
Настанет час – и прорастут,

Из зёрен звёздных эволюций,
Ростки открытий чудных тут,
В потоках умственных поллюций.

Элизиум

Сплетают лианы джунгли,
Вершины, моря скрывают,
Костры, исторгают угли,
Звезда на рассвете тает.
Игра – апогей природы,
Крутящая сфера мира,
Где пляшут стада, народы,
Змеёю, под жест факира.
Повсюду звучат удары,
Набатных годов мироздания,
Потопы, чума, пожары,
Народам несут страдания.
И это приметы боя,
Апостолов с Трисмегистом,
Эпоха идёт Героя,
Погибель неся нечистым.
Пусть в вихре кровавом битвы
Поверженный сгинет дьявол,
Христу, вознесут молитвы,
Пророки, волхвы, и Саул.
Восстанет титан народов,
Прольются потоки счастья,
Под гнётом зыбей небосводов,
Любовь облачится властью.
Наполнятся божьим Светом,

Вселенских пространств дороги,
По ним со святым Заветом,
Пойдут, созидая, боги.
Бросая зерно на звезды,
Рождая истоки Рая,
В них птиц поселяя в гнёзды,
Зверей размножая в стаи.
Идея сакрального Мира,
Сокрытая тайно в Разум,
Струит из зыбей Эфира,
В Элизий любовным газом.

Стон

*Посвящаю Оле Романовой,
которая стала первой жертвой
терракта «Норд-Ост»,
и также другим убиенным
заложникам.*

Идет девчонка в куртке тёмной,
Шагает твёрдо, не дрожа,
К двери неярко освещённой,
Туда, где к смерти лишь межа.
Лицо сокрыто капюшоном,
На нём тревога синих глаз,
И в муке сердце рвётся стоном,
За всех за них, за всех за нас.
Она исчезнет в полумраке,
В фойе, за дверью навсегда,
А следом в газовой атаке,
Придёт жестокая беда.
Октябрь сырой зальёт слезами,
Колонны мрачных серых лиц,
И будет виден над домами,
Летающий клин из белых птиц.

Спаситель

Стопы лижут тропу,
Я иду на судьбу,
Сердце стынет в ладони,
На обугленном лоне.
Эй! Кто там впереди!
Скорбь мою уведи,
Вот из глаз бьёт поток,
Вместо слёз кровотоки.
Средь агоний и мук,
Распахну сотни рук,
Робким силы отдам,
Буду тихим как храм.
И израненной птицей,
Стану в небо стремиться,
Расцвету на лугу,
Розой яркой в пургу.
И святым небесам,
Дам приблизиться к вам,
А потом улечу,
В мир, где жить я хочу.

«Ты как буря, как стихия...»

Душе праведника

Ты как буря, как стихия,
Совершаешь свой полёт,
И тебе, тебе стихи я,
Шлю ночами напролёт.
Ты волной о берег бьёшься,
Ты в листве виёшь змей,
Овном в поле ты пасёшься,
Но на небе твой покой.

Мечта

Я путник печальный,
Священной мечты,
Как лучик случайный,
Средь недр темноты.
И ветер надежды,
Качает меня,
Срывает одежды,
Эдемом маня.
Лишь только я вырвусь,
Из плена судьбы,
То счастьем упыюся,
Весёлой толпы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.